

ИСТОРИЯ ПИСЬМЕННОСТИ

С. Н. АЗБЕЛЕВ

ДВЕ РЕДАКЦИИ НОВГОРОДСКОЙ ЛЕТОПИСИ ДУБРОВСКОГО

Новгородские летописи—важнейший источник по истории Новгорода и Новгородской земли, начиная с древнейших времен и вплоть до XVIII века. Среди крупнейших центров русского летописания Новгород занимал первое место по продолжительности летописной работы (она здесь велась непрерывно в течение восьми столетий — с XI по XVIII в.¹); по размаху этой работы летописание Новгорода уступало лишь московскому летописанию XVI в. Новгородские летописные своды XV в., вобравшие в себя огромный материал всего предшествовавшего русского летописания (и потому представляющие чрезвычайно ценный источник по истории всей Русской земли), легли в основу почти всех последующих русских летописей, в том числе и московских.

Несмотря на первостепенную важность многочисленных памятников новгородского летописания, многие из них все еще остаются малоизученными, или почти вовсе неисследованными. К числу малоисследованных относится и крупнейший новгородский свод XV в.—так называемая летопись Дубровского² (известная преимущественно под неточным наименованием «свода 1539 г.»)³.

Доведенная до 1539 года, эта летопись особенно интересна в своей заключительной части (начиная с середины XV в.), причем наибольшую ценность представляют ее подробные известия за XVI век, которых нет в предшествующих летописных сводах Новгорода. Помимо текстов, взятых из московского летописания, в этой части находим обстоятельные и систематические данные о внутренней истории Новгорода. Таковы многочисленные известия о город-

ском строительстве, сведения о пожарах, наводнениях и эпидемиях и т. п. Подробно сообщено о таких событиях, как реставрация и украшение Софийского собора (1528 г.), постройка плотины с мельницей через Волхов (1528 г.) перепланировка Новгорода (1531 г.), мероприятия по искоренению разбоев (1531 г.), борьба с фальшивомонетчиками (1535 г.) и мн. др. обстоятельно говорится о важнейших моментах взаимоотношений Новгорода с московским правительством.

Составитель свода поместил в свой труд не только многочисленные московские и общерусские известия, но и ряд произведений, направленных против независимости Новгорода⁴. Это выдает в нем активного сторонника включения Новгорода и Новгородской земли в состав единого Русского государства, произошедшего за несколько десятилетий до составления летописи и имевшего огромное прогрессивное значение. Вместе с тем составитель бережно стносится к преданиям новгородской старины — в свод помещен ряд легенд, возникших, по-видимому, еще в XV в. (сказания об изображении Пантократора в куполе Софийского собора, об основании Благовещенского монастыря, о видении софийского пономаря Аарона и др.) и проникнутых новгородским патриотизмом⁵.

Само существование новгородской летописи Дубровского и ее приблизительный состав были установлены А. А. Шахматовым гипотетически, главным образом на основании анализа так называемой Ростовской летописи (сохранившей только заключительную часть этого новгородского свода). Во время издания исследования о «Ростовской летописи» А. А. Шахматов обнаружил «список Дубровского» (рукопись *F. IV. 238* Гос. Публичной библиотеки в Ленинграде), содержащий полный текст предполагаемой летописи и подтвердивший гипотезу А. А. Шахматова⁶.

До настоящего времени исследователям было известно четыре списка летописи Дубровского. Это полный список *F. IV. 238* и три рукописи, сохранившие текст свода лишь частично: окончание так называемой Ростовской летописи («Архивский список» — в нем годы с 1480 по 1539)⁸, окончание одного из списков Никоновской летописи («Архивский II список» — годы с 1492 по 1505)⁹ и так называемый Отрывок русской летописи по Воскресенскому Ново-иерусалимскому списку (годы с 1445 по 1538)¹⁰. Имеется еще один полный список в рукописи Гос. Публичной библиотеки в Ленинграде — *F. IV. 188* (несколько мне известно, до сих пор исследователями не упоминавшийся), который, однако, не представляет большого интереса, так как является копией списка Дубровского, снятой в XIX веке.

А. А. Шахматовым было отмечено тождество списков Дубровского и Архивского, имеющих лишь несущественные различия¹¹ и восходящих к общему оригиналу¹². Часть свода, читающаяся в списке Никоновской летописи, совершенно сходна с текстом Архивского списка. Таким образом, из пяти известных в настоящее

время списков свода четыре смело могут быть причислены к одной его редакции.

Крупные отличия имеет Отрывок летописи по Воскресенскому Новоиерусалимскому списку¹³. Текст его с 1445 года (которым начинается Отрывок) и до 1491 г. включительно представляет соединение младшей редакции Софийской первой летописи¹⁴ с несохранившимся летописным сводом, обрывающимся на 1491 году (к которому, очевидно, восходят Хронографический список Новгородской пятой летописи¹⁵ и список Царского¹⁶ СЛ)¹⁷, после чего идут заимствования из других источников (московских и новгородских), оканчивающиеся 1538 годом. Можно было бы полагать, что и в части до 1445 года свод имел состав аналогичный отрезку 1445—1491 гг., так как источники этой его части (СЛ и отраженный списками Царского и Хронографическим «свод 1941 г.») начались не с 1445 г., а с текста Повести временных лет. Однако состав обнаруженного А. А. Шахматовым в 1904 г. списка *IV. 238*, дающего полный текст летописи Дубровского, оказался (как и предвидел А. А. Шахматов на основании данных Архивского списка) иным. Вплоть до 1447 г. в списке Дубровского содержится текст Новгородской четвертой летописи¹⁸ (несколько дополненный и измененный). Годы с 1447 по 1475, передающие соответствующий текст Отрывка в сильно сокращенном виде, содержат добавления и крупные вставки из других, преимущественно новгородских источников (Легенда о видении софийского пономаря Аарона — под 1458 г., Сказание о новгородском архиепископе Ионе — под 1459 г., Духовная грамота Василия Темного — под 1462 г., Повесть о присоединении Новгорода — под 1471 г. и др.). Последующий текст не имеет крупных опущений текста Отрывка, но дополнительные включения продолжаются в описке Дубровского и дальше (пространный рассказ о пребывании Ивана III в Новгороде — под 1476 г., Послание Вассиана Рыло на Угру — под 1480 г. и др.). Список Дубровского, как и Архивский, оканчивается известием 1539 г. о рождении урода в Новгороде, которое отсутствует в Отрывке.

А. А. Шахматов полагал, что тот текст, который был им сначала восстановлен предположительно на основании Архивского списка и затем обнаружен в списке Дубровского, является первоначальным, а Отрывок представляет переработку свода, в которой текст Н4Л заменен текстом СЛ и сделаны некоторые сокращения¹⁹. Думаем, что такой вывод (высказанный автором фактически еще до обнаружения списка Дубровского — на основании гипотетических заключений о составе свода) ошибочен. Об этом свидетельствует непосредственное сравнение списка Дубровского с Отрывком, а также привлечение бывшей неизвестной А. А. Шахматову летописи, обнаруженной мною в двух списках — Гос. Исторического музея (Москва), собр. Уварова, № 568²⁰ и Гос. Публичной библиотеки (Ленинград), собр. Погодина, № 1403²¹ (ниже я буду именовать эту летопись Уваровской).

Сначала обратимся к Уваровской летописи. Текст ее распадается на две неравные части, разделенные помещенной после известий 1500 года вставкой, содержащей родословные великих князей и некоторых княжеских и боярских родов и копии документов местнической переписки. Все, что идет после этого текста, представляет собой необработанный черновик, в котором известия, взятые из разных источников, остались неупорядоченными (хронология не выдержана — известия одного и того же года оказываются иногда в двух—трех местах, предшествующие по времени известия часто помещены позднее последующих, есть дублировки и противоречия в тексте). До 1500 года включительно идет вполне обработанный летописный свод, заканчивающийся рассказом о битве при Ведрони. Есть все основания думать, что рукопись, содержащая этот свод с приписанными после его окончания родословными, легла в основу Уваровской летописи, где текст был продолжен выборками из других источников. Родословие великих князей оканчивается Дмитрием — внуком Ивана III; Василий Иванович фигурирует только как его сын и еще не назван великим князем всея Руси. Следовательно, родословие было окончено во всяком случае еще при жизни Ивана III, т. е. не позднее 1505 г.²² Сам летописный текст позволяет уточнить дату составления свода: под 1498 г. сообщается об опале Василия Ивановича, а под 1499 г. — о прощении его вины, но не о полной реабилитации, произошедшей, по данным других источников, в 1500 г., что позволило Я. С. Лурье приурочить появление этих известий к 1500 году²³. Таким образом, этим же годом можно условно датировать и сам свод, составляющий первую часть Уваровской летописи (ниже я буду именовать его сводом 1500—1505 гг.)²⁴.

Основу свода 1500—1505 гг. составляет младшая редакция СЛЛ, дополненная на основании «свода 1491 г.». Сравнение с Отрывком показывает, что весь текст последнего вплоть до 1498 г. (годы с 1499 по 1513 в Отрывке отсутствуют) восходит к своду 1500—1505 гг., текст которого передается Отрывком дословно, с некоторыми сокращениями. Таким образом, летопись часть которой с 1445 года передана сокращенно Отрывком, представляла собой, по-видимому, свод 1500—1505 гг., дополненный в конце известиями других источников включительно до 1538 г. В пользу именно такой зависимости говорит и то обстоятельство, что текст известий 1500 г. в своде 1500—1505 гг. и в летописи Дубровского оборван на середине фразы²⁵ (тогда как другие летописи — Воскресенская, Львовская, Софийская вторая, список Царского — дают полный текст)²⁶. Если для свода 1500—1505 гг. такой обрыв легко объяснить утратой последнего листа оригинала той рукописи, в которую были затем приписаны родословные, то в летописи Дубровского это обстоятельство можно удовлетворительно объяснить только восхождением ее самой к своду 1500—1505 гг.²⁷.

В списках Дубровского и Архивском на протяжении 1447—

1500 гг., почти все не новгородские летописные известия опять-таки или совпадают с текстами свода 1500—1505 гг., или являются их сокращением (в том числе и те немногие известия этого свода, которых нет в Отрывке)²⁸. О первоначальности свода 1500—1505 гг. сравнительно с летописью Дубровского свидетельствует и то обстоятельство, что имеющийся в списках этой летописи пропуск текста в известиях 1499 г. (исключая Отрывок, где этот год целиком опущен), в своде 1500—1505 гг., по данным Уваровской летописи, отсутствовал:

Летопись Дубровского

И того же лета, месяца марта 21, в четверток, князь Иван Васильевич всея Руси пожаловал сына своего князя Василья: вины ему отдал, а нарек его государем великим князем, дал ему Великий Новгород и Псков в великое княжение, да и свою великую княгиню от греческого закона к римскому закону, через крестное целование и свою утвержденную грамоту²⁹.

Уваровская летопись

Того ж лета, месяца марта в 21 день, в четверг, князь великий Иван Васильевич всея Руси пожаловал сына своего князя Василья, вины ему отдал и нарек его государем великим князем, и дал ему Великий Новгород и Псков в великое княжение, да и свою великую княгиню Софию пожаловал, нелюбовь отдал и нача с нею жити по первому. Того же лета прииде весть к великому князю Ивану Васильевичу всея Руси, что зять его князь великий Александр Литовский учал нудити дочь его Елену, свою великую княгиню, от греческого закона к римскому закону, через крестное целование и свою утвержденную грамоту³⁰.

В списке Дубровского текст Н4Л идет включительно до 1447 года, тогда как Отрывок, начинающийся 1445 годом, вовсе не содержит известий, восходящих к этой летописи. Если согласиться с А. А. Шахматовым в том, что «Отрывок... восходит к такой переработке свода 1539 года, в которой первая часть свода, соответствующая тексту Новгородской 4-й летописи, заменена Софийскою 1-ю летописью»³¹ (точнее — текстом свода 1500—1505 гг.), то придется допустить, что летопись Дубровского сначала содержала Н4Л, продолженную после 1447 года второй половиной свода 1500—1505 гг. (и в таком виде отразилась в списках Дубровского и Архивском), после чего текст Н4Л был заменен первой половиной свода 1500—1505 гг. (в таком виде летопись Дубровского отражена Отрывком). Искусственность такого построения очевидна. Более

вероятно другое предположение: первая редакция летописи Дубровского представляла собой свод 1500—1505 гг., продолженный до 1538 г. — эта редакция представлена, с некоторыми сокращениями, Отрывком; во второй редакции часть до 1447 г. была заменена текстом Н4Л (которая оканчивается этим годом) и был внесен ряд дополнительных текстов, по преимуществу новгородского происхождения, при опущении и сокращении многих общерусских известий свода 1500—1505 гг.²; в конце добавлен чисто новгородский текст 1539 года. Для новгородского сводчика все это вполне естественно; трудно было бы допустить, чтобы он, напротив, заменил текст Н4Л несравненно менее для него интересным текстом первой части свода 1500—1505 гг. Наше предположение легко объясняет и такие, например, явления, как устранения дублировок, содержащихся в своде 1500—1505 гг. и перешедших в Уваровскую летопись, но уже отсутствующих в летописи Дубровского. Так, известие о победе Василия Темного над Шемякой под Галичем в Уваровской летописи читается дважды — первый раз под 1449 г. (по С1Л), второй раз — под 1450 г. (по «своду 1491 г.» откуда оно попало под этим годом и в список Царского); такое же чтение было, по-видимому, и в первой редакции летописи Дубровского. Переписчик Отрывка, сокращая текст, опустил повторное известие 1450 г., а составитель второй редакции объединил оба текста под 1449 годом. Гипотеза А. А. Шахматова о первоначальности этой редакции не позволяет удовлетворительно объяснить подобный случай.

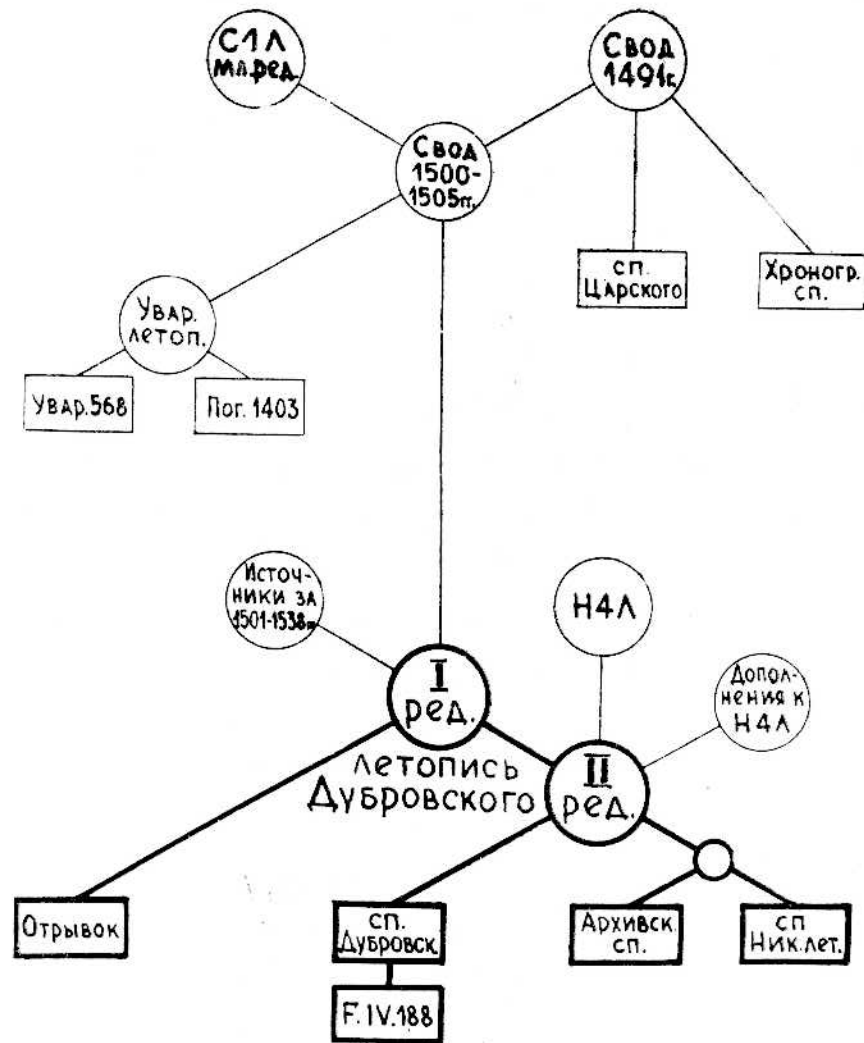
Что же касается приведенных А. А. Шахматовым частных соображений, то ни одно из них не противоречит нашему построению. Заключение А. А. Шахматова о составлении летописи Дубровского в период между 1542 и 1548 годами³³ следует относить к второй ее редакции. Поскольку известие 1535 года, содержащее указание на поставление Феодосия новгородским архиепископом в 1542 году, в Отрывке отсутствует, можно полагать, что первая редакция (в которой восходит Отрывок) возникла ранее этого года.

Предполагаемое взаимоотношение привлеченных текстов изображено на схеме.

Одно указание летописи Дубровского позволяет сделать весьма вероятное предположение об авторе этого свода. В тексте известий за 1536 г. читаем: «Того же лета у святой Пятнице, на Торговой стороне, начали служители вседневную службу, при благоверном великом князе Иване Васильевиче всеа Русии и при архиепископе Великого Новгорода и Пскова владыке Макарии; а прежде была много лет не вседневная, а вседневную замыслили рядовичи Великого ряду корыстного, гости московские и новгородские того ряду, и пола другого поставили и ругу обещалися давати по 3 рубли на всяк год; а в то время бысть священник НГВ-ГВ, ДГВИ»³⁴. Написанное тайнописью имя легко расшифровывается как «Мефеден», т. е. Мефодий (буква «е» заменена буквами

«гв», числовые значения которых — 3 и 2 — в сумме равны числовому значению буквы «е»)³⁵. Так это имя читается в Отрывке, представляющем первую редакцию свода. В списках второй редакции тайнопись усложнена, причем конец имени несомненно искажен³⁶.

По-видимому, составитель свода назвал здесь самого себя. Известие о том, что священником одной из новгородских церквей был одно время некто Мефодий, настолько малозначительно само по себе и настолько выделяется именно этой малозначительно-

Взаимоотношение редакций летописи Дубровского.

стью среди других известий свода, что заставляет усматривать личную заинтересованность составителя в помещении этого известия в летопись. В других новгородских летописях подобие «приватные» упоминания имеют в виду самих летописцев (Герман Воята и Тимофей — в Новгородской первой летописи³⁷, Матвей Михайлов — в Н4Л)³⁸, что в настоящее время является общепризнанным³⁹. То обстоятельство, что упоминание Мефодия написано тайнописью, служит дополнительным подтверждением его авторства, поскольку прием зашифрования собственного имени довольно часто встречается в русской средневековой письменности⁴⁰.

Обязанный своим назначением совместным действиям московских и новгородских «гостей», Мефодий, как мы уже видели, настойчиво проводил в своем труде идею единства Новгорода и Москвы. Главная причина этого, разумеется, не в обстоятельствах назначения Мефодия, а в большой прогрессивной роли идеей общерусского единения, окончательно победивших к тому времени на всей территории Великороссии и отражавших, в частности, настроения подавляющего большинства населения Новгорода (в первую очередь — настроения его демократических низов). Именно этим следует, по-видимому, объяснить и то обстоятельство, что подавляющую часть свода впервые в истории новгородского летописания составил московский по происхождению источник (хотя и освещавший историю Новгорода) — свод 1500—1505 гг. Лишь во второй редакции летописи Дубровского он был частично заменен текстом Н4Л. Отражавшая по своему ту же идею объединения Руси, эта летопись по составу своих известий — своим исключительным вниманием к Новгороду — в гораздо большей степени могла удовлетворить потребности новгородского читателя, чем соответствовавшая ей часть московского свода 1500—1505 гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В отдельных случаях летописи продолжали вести в Новгороде и в XIX веке.

² Название «летопись по списку Дубровского» предложено А. А. Шахматовым — по фамилии прежнего владельца рукописи, содержащей основной список этой летописи (см.: А. А. Шахматов. О так называемой Ростовской летописи. М., 1904, стр. 165).

³ Издана в Полном собрании русских летописей (далее: ПСРЛ), см. т. IV, ч. I, вып. 1. Пг., 1915, стр. 1—320; в. 2. Л., 1925, стр. 321—444, 471—536; в. 3. Л., 1929, стр. 537—579 (до 1447 г., см. Новгородскую четвертую летопись; варианты к ней летописи Дубровского — во втором выпуске на стр. 471—489).

⁴ См.: Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1949, стр. 319.

⁵ О характере этих легенд см. в книге Д. С. Лихачева «Национальное самосознание древней Руси» (М., 1945, стр. 85—89).

⁶ См.: А. А. Шахматов. О так называемой Ростовской летописи, стр. 163—171.

⁷ Подробное описание этой рукописи см. в ПСРЛ, т. IV, ч. I, в. 3, на стр. 1—2. Список Дубровского издали в виде вариантов и дополнений к Новгородской четвертой летописи.

⁸ Издано А. А. Шахматовым в его книге «О так называемой Ростовской летописи» на стр. 67—162; подробное описание рукописи — там же, на стр. 1—7. Варианты по этому списку подведены в ПСРЛ, т. IV, ч. I, в. 2—3 при издании списка Дубровского (стр. 516—579).

⁹ ПСРЛ, т. XII, СПб., 1901, стр. 264—266; краткое описание рукописи см. в ПСРЛ, т. IX, СПб., 1862, на стр. 9.

¹⁰ ПСРЛ, т. VI, СПб., 1853, стр. 276—303 (с отсылками к тождественным текстам в ПСРЛ, т. IV, СПб., 1848, стр. 148—159 и т. V, СПб., 1851, стр. 73—74, 267—275).

¹¹ Главные из этих различий — опущение известий 1493, 1495 и 1497 годов в списке Дубровского.

¹² См.: А. А. Шахматов. О так называемой Ростовской летописи, стр. 163—171.

¹³ Далее сокращенно: Отрывок.

¹⁴ См.: ПСРЛ, т. V, СПб., 1851, стр. 81—275; т. VI, СПб., 1853, стр. 1—111; второе издание, т. V, в. 1, Л., 1925 (не закончено). Далее сокращенно: СЛ.

¹⁵ Издан в виде вариантов и дополнений к тексту Новгородской четвертой летописи: ПСРЛ, т. IV, СПб., 1848, стр. 1—91, 109—126, 138—165. Отдельное издание не закончено: ПСРЛ, т. IV, ч. II, в. 1, Пг., 1917.

¹⁶ Издан в виде вариантов и дополнений к тексту СЛ: ПСРЛ, т. V, СПб., 1851, стр. 81—275; т. VI, СПб., 1853, стр. 31—54.

¹⁷ См.: А. А. Шахматов. К вопросу о происхождении Хронографа. СПб., 1899, стр. 91—100.

¹⁸ Далее сокращенно: Н4Л.

¹⁹ См.: А. А. Шахматов. О так называемой Ростовской летописи, стр. 50—65.

²⁰ Далее сокращенно: ГИМ, Увар, 568.

²¹ Краткое описание их см. в моей статье «Летописные памятники Новгорода XVII—XVIII вв. (обзор списков)» (Труды Отдела древнерусской литературы, т. XIII, М.—Л., 1957, стр. 283). Список ГИМ, Увар, 568 был также обнаружен (очевидно — ранее меня) и описан А. Н. Насоновым. См.: А. Н. Насонов. Летописные памятники хранилищ Москвы (новые материалы). — Проблемы источниковедения, IV, М., 1955, стр. 264.

²² Некоторое сомнение может возникнуть в связи с тем, что в конце помещено родословие Сабуровых, которое оканчивается Соломонойд Юрьевной, названной супругой великого князя Василия Ивановича. Однако несомненно, что это родословие дописано уже впоследствии. Непосредственно за родословием великих князей идут родословия княжеских и боярских родов, после чего, как уже говорилось, читаются тексты документов местнической переписки, не имеющих прямого отношения к родословным. Только после этого идет родословие Сабуровых. Если бы это последнее было современно остальному тексту, его поместили бы ранее этих документов — и, по всей вероятности, даже ранее других боярских родословных, в силу той знатности, которую Сабуровы приобрели в связи с женитьбой Василия III на Соломониде. Следовательно, вывод о том, что основной текст родословных был составлен не позднее 1505 года, остается непоколебленным.

²³ См.: Я. С. Лурье. Из истории русского летописания конца XV века. — Труды Отдела древнерусской литературы, т. XI, М.—Л., 1955, стр. 181.

²⁴ Великокняжеский свод 1500 г., состав которого намечен Я. С. Лурье в указанной работе, лишь частично тождественен по содержанию со сводом 1500—1505 гг.

²⁵ См.: ПСРЛ, т. IV, ч. 1, в. 2, стр. 533 — списки Дубровского и Архивский; в Отрывке этот год опущен.

²⁶ См.: ПСРЛ, т. VIII, СПб., 1859, стр. 240; т. XX, ч. 1, СПб., 1910, стр. 371; т. VI, СПб., 1853, стр. 46, 243.

²⁷ В списках летописи Дубровского известия 1498—1500 гг. ошибочно помещены под 1492—1494 гг. А. А. Шахматов убедительно объяснил это тем, что переписчик принял начальные слова 1498 года «В лето 7000 шестого, декабря» за «В лето 7000, 6 декабря» (А. А. Шахматов. О так называемой Ростовской летописи, стр. 55), вследствие чего известия 1492—1497 гг. оказались в лето-

писи опущенными. Эта ошибка есть и в своде 1500—1505 гг., хотя сами даты в отразившей его Уваровской летописи исправлены (очевидно — уже в результате позднейшей сверки).

²⁸ См.: ПСРЛ, т. IV, ч. 1, в. 2, стр. 490—531; ср.: т. VI, стр. 277—279.

²⁹ ПСРЛ, т. IV, ч. 1, в. 2, стр. 531; ср. т. XII, стр. 264.

³⁰ ГИМ, Увар. 568, лл. 401—401 об. Очевидно, переписчик оригинала летописи Дубровского пропустил часть текста потому, что слова «свою великую княгиню» читаются в этих известиях дважды. Написав эти слова в первый раз, он стал списывать текст, идущий уже после их повторения, не заметив, что часть известий оказалась при этом пропущенной.

³¹ А. А. Шахматов. О так называемой Ростовской летописи, стр. 65.

³² Уваровская летопись не является точным повторением свода 1500—1505 гг. — ряд известий последнего, как показывает сравнение с СЛ и текстами списков Царского и Хронографического, с одной стороны, и списками летописи Дубровского, — с другой, опущены составителями или переписчиками Уваровской летописи (есть в ней и дополнения). Имеется только один случай, когда текст свода 1500—1505 гг. сокращен одинаково в Уваровской летописи и во второй редакции летописи Дубровского сравнительно с первой ее редакцией (отсутствие известия 1484 г. о заложении Ризоположенской церкви в Москве) и два случая одинакового сокращения в Уваровской летописи и в первой редакции летописи Дубровского сравнительно со второй ее редакцией (отсутствие повторного известия о женитьбе Ивана Васильевича — под 1452 г. и известия 1469 г. о втором походе под Казань кн. Юрия Васильевича, которое сходно с предшествующим ему известием того же года о первом походе кн. Юрия под Казань). Эти случаи могут быть объяснены как совпадением (особенно вторые два, возникающие, очевидно, в результате желания устранить дублировку — в одном случае действительную, во втором — кажущуюся), так и сверкой или пропикновением этих известий туда, где они «сохранены» не через свод 1500—1505 гг., в котором они могли и отсутствовать, а через дополнительный источник.

³³ См.: А. А. Шахматов. О так называемой Ростовской летописи, стр. 13—17, 170.

³⁴ ПСРЛ, т. VI, стр. 299.

³⁵ На это обратил внимание уже А. А. Шахматов (О так называемой Ростовской летописи, стр. 154).

³⁶ Во второй редакции стоит «КЛГ ГВГАГБД» («кл»=50=«н», «гв»=5=«е», «га»=4=«д», но «гбд» — явное искажение, так как «б» не имело числового значения) — см.: ПСРЛ, т. IV, ч. 1, в. 3, стр. 573.

³⁷ См.: Повгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Пол. ред. А. Н. Насонова. М.—Л. 1950, стр. 39, 70.

³⁸ См.: ПСРЛ, т. IV, ч. 1, в. 1, стр. 300; в. 2, стр. 326, 339, 411.

³⁹ См., напр., Д. Прозоровский. Кто был первым писателем первой повгородской летописи. — Журнал Министерства народного просвещения, 1852, июль, стр. 1 28; Н. И. Срезневский. Славяно-русская палеография XI—XIV вв. СПб., 1885, стр. 191; А. А. Шахматов. Обзорные русские летописные своды XIV—XVI вв. М. Л. 1938, стр. 130, 156; Д. С. Лихачев. Русские летописи., стр. 442—443.

⁴⁰ Недостаточная изученность состава летописи Дубровского не позволяет пока со всей определенностью полагать, что Мефодий был составителем самой этой летописи: строго говоря, он мог быть и автором одного из ее источников. Однако, последнее представляется менее вероятным, поскольку известие о Мефодии читается в конце свода, т. е. в той его части, где повгородские известия, по всей вероятности, принадлежат самому составителю летописи Дубровского. О составе ее см. чрезвычайно интересные наблюдения А. Н. Насонова в его работе «Материалы и исследования по истории русского летописания» (Проблемы источниковедения, VI, М. 1958) на стр. 270—274.